

Михаил Богатов

Спор об энергии.

К теме «Владимир Биbihин и богословие»¹

<Добрый день. Я, во-первых, хотел бы поблагодарить место, в котором мы находимся – культурный центр и библиотеку “Иниго”, лично отца Овсеп и Михаила Немцева, которые пригласил меня с этим выступлением. Во-вторых, я хотел бы передать участникам конференции и слушателям большой привет от вдовы Владимира Вениаминовича Ольги Лебедевой, которая мне помогала некоторыми библиографическими уточнениями при подготовке моего выступления.

Приступая, собственно, к нашей теме, здесь нельзя не обойтись без нескольких замечаний относительно творчества Владимира Вениаминовича Биbihина. Дело в том, что на данный момент выпущены (и только на моей полке находятся) двадцать пять книг; это ещё не всё, я не перечислил тут сборники, которые печатались с середины 80-х годов (сегодня об одной статье в таком сборнике мы тоже будем немного говорить), но складывается довольно интересный феномен по поводу этих книг.

Дело в том, что по сей день нет ни одной монографии (есть только отдельные статьи) посвящённой этому огромному массиву творческого наследия, которое до сих пор ещё не полностью опубликовано. В 2015 г. исполняется десять лет со дня смерти Биbihина, в честь этого события будет несколько публикаций, в том числе его книг на иностранных языках. Сейчас готовится два, как минимум мне известных, издания на английском и на немецком в соответствующих странах, серия критических статей, рецензий и т.д. В июне прошлого года прошла первая Биbihинская конференция в

---

¹ Доклад был прочитан 29 ноября 2014 г. на конференции «Антропология и богословие» в Новосибирске. Данный текст представляет собой расшифровку устной версии доклада, которая была осуществлена *Ильёй Колесниковым* и затем сверена автором. В силу этого обстоятельства в тексте сохраняются стилистика и приёмы устной речи.

Санкт-Петербурге по инициативе Артёма Магуна и Олега Хархордина на территории Европейского университета в Санкт-Петербурге². Материалы этой конференции должны были изданы быть в журнале “Стасис” Артёмом Магуном, но до сих пор в связи с тем, что все материалы замыслены им как билингвальные, это не издано³, потому что некоторые авторы, прекрасно выступившие на русском, задерживают выдачу английского текста.

Это замечательное молчание, которое повисло над наследием Бибихина, как мне кажется, не является историческим недоразумением, оно отчасти связано со стратегией письма и мысли самого Владимира Вениаминовича, который тщательно избегал привычной для нас академической манеры – это его сознательная стратегия: *он ускользал* (что ни в коем случае не следует понимать будто он скользил или, पुще того, “был скользким”, отнюдь нет). Бибихин именно ускользал от *привычных* (а потому немислимых) *способов схватывания*. Я приведу такой пример: мы со студентами-философами первого курса читали текст “Язык философии”, и на экзамене (экзамен по этому тексту также отдельный нонсенс) мне нужно было просто посмотреть, как люди мыслят, и один мальчик сказал, что язык – это средство общения. Я говорю: “Где Вы это взяли, как это возможно?” Он отвечает: “Ну вот, смотрите у Бибихина” и открывает страницу и там написано: “Язык есть средство общения”⁴ в кавычках. Он прочитал это предложение и выхватил. Естественно, что Бибихин начинает это критиковать.

На простой форме поведения этого студента мы уже видим сложности, которые нас всех *будут* ждать. То есть, до сих пор ещё научным сообществом, друзьями Владимира Вениаминовича, не выработано и даже не продемонстрировано пока ещё каких-то образцовых или просто показательных, идущих наугад стратегий имения дела с его наследием.

---

² Международная конференция «Философское наследие Владимира Вениаминовича Бибихина», посвященная 75-летию со дня рождения философа. 17.05.2013 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Видеоматериалы этой конференции представлены на странице: <http://rideo.tv/bibihin/>

³ На момент завершения работы над этим текстом, по сообщению Артёма Магуна – как главного редактора журнала “Стасис”, – “бибихинский” номер сдан в печать и должен выйти в самое ближайшее время.

⁴ *Бибихин В.В.* Язык философии. СПб.: Наука, 2007. С. 19.

Собственно, здесь может быть, если так подходить схематически, как мне кажется, два способа приблизительно (т.е. – *приближаясь-к*) говорить о Бибахине. Первый способ – это когда мы действуем так же, как и он, на страх и риск, то есть *герменевтически*; и второй – *объективистский* подход, когда мы действуем по отношению к его текстам и его темам так, как будто бы он просто-напросто наш коллега, который выразил в какой-то научной статье в виде каких-то тезисов какие-то соображения, и соответственно мы можем их принимать, не принимать, аргументировать, не аргументировать, соглашаться или опровергать. Конечно же, на первом этапе, как мне кажется, *возможен* только первый путь, потому как второй подход возможен уже когда это наследие будет *усвоено*. Кстати, в этом смысле не только Бибахин отличается подобным замалчиванием. У нас – мы недавно обсуждали – до сих пор нет даже серьезной монографии про Лосева, у нас нет серьезных, допустим, книг о творчестве Аверинцева, и т.д.

Устройство текстов Владимира Вениаминовича может быть продемонстрировано одним из его мыслительных таких излюбленных – здесь вот нельзя сказать “концептов” ни в коем случае, – ну, давайте так условно, “*терминов*”. *Лес*: такой у него был курс лекций, один из наисложнейших, и вот мне кажется, что *его тексты представляют собой Лес (греческую hyle – строительный материал, и лес сразу: мыслимая Хайдеггером physis)*, о котором он и говорит в специальном курсе. Здесь мы должны понимать, что когда мы что-то выхватываем и пытаемся выстроить, вот как например я сейчас это буду делать в докладе, какую-то единую стратегию “о чём думает Бибахин”, то мы специально должны одно игнорировать и другое выделять. И понятно, что это скорее характеризует не творчество Владимира Вениаминовича, а творчество того, кто делает доклад. Поэтому, соответственно, все ошибки, огрехи и домыслы (когда мысль не дотягивается до мысли) принадлежат мне.

Даже определившись с основной стратегией способа подхода к тексту, мы можем сказать, что из заявленной темы “Философия и богословие” у

Бибихина в строгом смысле (из известных и доступных мне) всего три текста: два из них так и называются, но правда не богословие здесь, а “Философия и религия”. Один из них фигурирует в качестве отдельной публикации в “Вопросах философии”⁵ №2 от 1997 г., а другой помещён в качестве шестнадцатой лекции в курсе “Язык философии”⁶.

Первые два текста представляют для нас особый интерес, и мы начнём с них, но я сразу же упомяну третий – это “Вера и философия” (он размещён в сборнике “Наше положение”, был такой довольно странный сборник, где Ольга Александровна Седакова, Анатолий Валерианович Ахутин, Сергей Сергеевич Хоружий, Владимир Вениаминович Бибихин, Анна Ильинична Шмаина-Великанова и композитор Александр Кузьмич Вустин – они написали такой вот сборник, чтобы охарактеризовать своё положение в культуре⁷). И ещё один текст, он называется “Католические теологи и философия”, четвёртый текст на эту тему, он помещён в специальном сборнике, который вышел тогда не в ИФ РАН, а ИФ АН в 1985 г.

Но поскольку всего не охватить, я остановлюсь на первых двух текстах, которые вышли под одним и тем же названием “Философия и религия”. Они замечательны тем, что это – лекция, помещённая в рамках курса “Язык философии”, которая затем была издана отдельно. То есть она подготовлена для публикации. Но вы понимаете, что из всего набора лекций он выбрал именно эту, что уже любопытно, хотя мы не можем сделать из этого никаких выводов; но когда Бибихин готовил эту лекцию для публикации отдельно в “Вопросах философии”, то он написал к ней другое введение (это всем знакомая практика в академической среде для всех, кто дошёл дальше кандидатской или подступил к ней, когда необходимо делать статьи по материалам диссертации). И вот собственно здесь то, что было дописано и то, что было измене-

---

⁵ Бибихин, В.В. Философия и религия // Вопросы философии, 1997 (№2). Далее – ссылки на этот текст в скобках (ФиР-ВФ).

⁶ См. Бибихин, В.В. Язык философии. С. 258-282.

⁷ Наше положение: Образ настоящего / О.А. Седакова, В.В. Бибихин, А.И. Шмаина-Великанова, А.В. Ахутин и др. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. 304с.

но, представляет, как мне кажется, такой интерес: мы могли бы обратить внимание, это довольно любопытно.

Отдельную публикацию Бибихин начинает с такой цитаты: ««Религия же не имеет собственного предмета и спекулирует в области философии». – «Философия не нужна; Бог сотворил мир, и грешно о нем умствовать». Первую фразу я слышал от университетского преподавателя философии. Вторую – моя внучка от преподавателя богословия в «институте культуры». Оба преподавателя не имеют отношения ни к философии, ни к религии. Я сказал то, что сказал. Если не сразу видно, кто есть кто в философии и религии, то многое прояснится, если знаешь, что отрицание одной из них отрицает обе» (ФиР-ВФ).

Это самое начало публикации, как вы видите, оно довольно вызывающее, сталкиваются два мнения – такая, почти платоновская стратегия, и, если обычно люди, рассуждающие на тему “Философия и религия” (или “богословие”): а у Бибихина они фигурируют фактически синонимично, как я это покажу, поскольку религия имеет отношение к мысли) заканчивают статьи тем или иным выводом, то он начинает свой текст с двух вариантов подобного вывода, тем самым показывая, что он не собирается подводить к выводу, он неинтересен (не в силу своей расхожести, а в силу того, что “отрицая одну из них, человек отрицает обе”).

Перед нами в текст вводятся сразу преподаватель философии и преподаватель богословия, которые отрицают друг друга. Естественно, Бибихин здесь не будет предлагать *третьей точки зрения*, то есть он не станет третьим в этой компании, а он попытается показать этой компании, этим двум персонажам, *что они делают, когда высказывают такие тезисы*.

Следуя за вводным, резким, этим актуализирующим первым абзацем, Бибихин указывает на то направление, или на то настроение, в рамках которого следует мыслить всякому, кто расстался с такими удобными мнениями (либо философия, либо богословие). Цитата такая: “Прежде всего и особенно непостижимо, когда не только верующие, но и «философы» думают, что бла-

гочестие в философии не обязательно. Благочестивая аскеза настолько сродни мысли, что надо удивляться тем, в сущности очень немногим в истории десятилетиям, когда философия позволяла себе быть празднично открытой; но и тогда основой и обеспечением праздника оставалась строгость. Так было в античной классике у Сократа, Платона, Аристотеля. Почти сразу после них в Академии, в Перипате, у скептиков, в Стое дисциплина начинает преобладать над размахом. Не то что у Платона и Аристотеля было мало смирения и богопочитания; но преобладала широта исканий. Теперь упрочивается философская догматика. Скептицизм в своей войне против догматиков был не меньше других догматичным. Теперь надо было ждать долго, до европейских Ренессансов, до Нового времени, собственно, до XX в., пока возвратится головокружительная свобода философского вопроса. Современная проблема предпосылочности или беспредпосылочности философии предполагает намерение философствующего допустить или не допустить, принять или не принять те или иные основоположения. Платоники (неоплатоники) с порога отбросили бы право на такой выбор. Иметь или не иметь то, что подлежит почитанию, решает не человек. Сама мысль включает благочестие, иначе теряет связь с божественным умом. Поклонение первому уму безусловно необходимо. Именно для того, чтобы быть служением чистой мысли и больше ничем, философия остается служением тому что выше нее” (Фир-ВФ).

В этом абзаце сказано всё, я сейчас попробую только по пунктам это развернуть с пояснениями. Сразу может показаться, что философы должны преклоняться перед первым умом, как будто бы мы должны помимо своей воли это делать, то есть ввести некое подобие религии в структуру философии (религии в смысле внешних ритуалов, причём *только* в этом смысле). То есть, “ты занимаешься философией, значит ты должен делать то-то, то-то и то-то”. Но Бибихин говорит не об этом, он говорит о том, что если мы с вами будем заниматься делом мысли – именно *делом* мысли, – то мы научимся аскезе, мы научимся некоторым строгим правилам (строжайшим), которые,

собственно, косвенным путём только для того, кто имеет опыт мысли, и будут указывать на то, что он *уже* служит первому уму.

Пока это может показаться сложным. Но вот по каким пунктам можно сравнить, исходя из этих текстов, общие и различные черты, я выделил у него всего здесь пять пунктов, хотя я напоминаю, что они довольно условны:

1. *Когда Биbihин говорит и о философии, и о религии, то он обращается к античности, то есть к дохристианской эпохе.* Затем, как мы видели, каким-то странным образом он – это ещё следует отдельно оговорить – пропускает средневековье и перепрыгивает в Возрождение. Затем нужно было ждать, вот от этих эллинистических школ, Ренессанса. Это что касается философии, что касается христианства, то излюбленнейшими его авторами являются те, кто перенимали непосредственно опыт античной мысли, это, например, Псевдо-Дионисий Ареопагит, иногда ссылки на Тертуллиана, Оригена, Августина – то есть на тех, кто, собственно, формировал словарь, на котором будет говорить средневековая католическая (в первую очередь католическая) теология. Что касается восточной византийской линии, то на эту тему есть отдельный комплекс статей и разработок; понятное дело, что они так или иначе примыкают к собственно переводческой работе Биbihина. Здесь речь идёт о том, что он переводил «Триаду в защиту священо безмолствующих» Св. Григория Паламы⁸ и вникал в эту тему на несколько веков исторически и интеллектуально прежде и позже. К этой теме я ещё вернусь в связи с темой энергии (поскольку она фигурирует в названии).

2. *Современность выключается из разработки темы “философия и религия”.* Вот здесь уже звучало у него: “Нужно было дожидаться XX века”, но XX век здесь имеется в виду как представитель всего трёх-четырёх мыслителей, то есть весь XX век это три-четыре персонажа, в творчестве кото-

---

⁸ Св. Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолствующих /Перевод, послесловие и комментарии В.В. Биbihина. СПб.: Наука, 2004. 384с.

рых Бибахин усматривает вновь актуальную (то есть - исходящую из дела мысли и к делу мысли восходящую) постановку первоначальных вопросов. Этих людей несложно перечислить; из западных мыслителей, это конечно же Хайдеггер и Витгенштейн, полемически включается Деррида с его опытом чтения (в том числе и античных текстов, Платона, например); из русских мыслителей (или из советских философов) он будет брать и цитировать обильно на темы, связанные с богословием, Аверинцева, Лосева с его “имяславием” и с его вечными метаниями от диалектики к простому называнию вещей и наоборот, и Сергея Сергеевича Хоружего, причём с С.С.Х. у них будет спор по поводу энергии, здесь нельзя не упомянуть, поскольку сегодня будет доклад о творчестве Хоружего, здесь, указывая наперёд, можно сказать, что случилась довольно странная вещь, книжка “Энергия” заканчивается критикой концепции исихазма у Хоружего, и на бибахинской конференции, которая была в прошлом году в июне, которую я уже упоминал, Сергей Сергеевич, по сути, отвечал в своём докладе на эту критику Бибахина, потому что он не ответил очно, и он работает сейчас над этим ответом довольно долго – это было восемь лет после смерти Бибахина (у дела мысли *своё* время). Так вот, выключение современности: цитата такая по поводу этого пункта: “Победой и философии, и христианства было то, что там, где философия воздержалась от «категорий», христианство тоже воздержалось и дало определение таинственное, непостижимое”. Нам с самого начала – а это уже из “Философии и религии”, как велась данная лекция в курсе “Язык философии”⁹, вот нам, если так спросить непредвзято, будет казаться, что непостижимое – это дело религии, а философия наоборот занимается раскрытием там рациональных каких-то конструкций, так вот нас, сразу, забегая вперёд, ждёт совершенно противоположное переворачивание этого ожидания, потому что как раз религия, и это видно из текста Бибахина, религия *именует* непостижимое, и уверяет нас, что она знает, как *именно* (с так вот поименованным) *иметь* с ним дело. И философия нужна для того чтобы ей напоминать о том,

---

⁹ Бибахин, В.В. Язык философии. С. 275-276.

что она имеет дело с непостижимым. Вот видите, какая странная *философия* здесь вырисовывается. И естественно, что этот круг философов, которых я перечислил, они так или иначе действительно могут выступать напоминателями религии о том, что она имеет дело с непостижимым, чтобы она не забывала.

3. По поводу *расхождения философии и религии от опыта благочестия, от опыта аскезы*, вот он говорит (и приводит три примера): “На Константинопольском соборе 1351 г. был принят догмат о различении сущности и энергий в Боге. Энергии понимались как нетварные, т. е. отождествлялись с верховным божественным началом”¹⁰. Дальше он заключает: “Философски это беспомощно”. Философу здесь делать нечего, не в том смысле, что здесь всё лучше, а в том, что это слабо, *очень слабо для философа*, для опыта философской мысли. Нет никаких опор. Второй пример о Троице: “Три неслиянных и нераздельных Лица не имеют никакого отношения к философии. Их «понятийная дедукция» всегда окажется недоразумением, возвратом к смешению философии и религии, после которого ничего не остается ни от философии, ни от религии – или необязательной схематической иллюстрацией, как августиновское пояснение Троицы через любовь-единение-связь”¹¹. И потом он ещё будет приводить пример о Софии. Здесь третий тезис можно озвучить таким образом: *философия и религия раздельны, и нам следует это разделение чётко удерживать*. Сначала вроде бы речь шла о том, что они исходят из одного и того же опыта, опыта аскезы и упражнения, здесь он говорит о том, что они раздельны и ни в коем случае нельзя их смешивать. Дело в том, что зафиксировать это разделение невозможно, на это не способны ни религия, ни философия. Какая будет подсказка здесь, каким образом тогда это возможно, как можно об этом *говорить*? Это разделение, как мне кажется, исходит из дела мысли, дела внимания и можно так сказать – дела *самого*

---

¹⁰ Биbihин, В.В. Язык философии. С. 279.

¹¹ Там же, С 280.

мира (у мира имеется *собственное своё*, и вот тут-то мысль этого своего касается). Человек, который внимает миру, впадает в это разделение, но человек не может его определять, то есть это не может быть результатом сознательной конструкции. *Как раз там, где это является результатом сознательной конструкции, необходимо современность выключать*. Философия имеет дело с таинственным и непостижимым, с тем, что больше человека, однако когда человек начинает на это полагаться, выходит что современность данного положения философии даже не продумывает. Сейчас я попробую пояснить это. Для Бибихина самоочевидным является вот такое странное понимание философии, которое я зафиксировал, по крайней мере в рамках нашей темы. Когда он, исходя из этого понимания философии, начинает говорить о религии, то вдруг оказывается, что это самоочевидное понимание философии *вообще никому* не очевидно, что когда мы говорим “философия и богословие, например”, то всем интересно это “и” так, будто бы с богословием и философией всё решено. Вдруг, буквально начинает всё распадаться, потому что прежде чем подходить к этому “и”, то есть, это два таких способа, я говорю сейчас очень схематично: можно начать с того, что “неважно что такое философия, как я понимаю богословие тоже ясно, сейчас я займусь тем, *как* они связаны и исходя из этого проясню, *что* они такое”. Так вот, это только полпути, потому что герменевтический круг будет полностью пройден только когда мы скажем: “Нет, давайте сначала определим, *что* такое философия, *что* такое богословие, и, исходя из этого, это «и» станет понятным само собой”. Вот Бибихин работает в тексте как будто бы он уже на втором этапе, но вдруг оказывается, что первый этап не самоочевиден, что он вынужден возвращаться в этом тексте. Он вынужден одновременно и разворачивать такое понимание философии, и такое понимание религии, о котором я говорил, и самое главное, здесь мы тоже касаемся очень важного момента в его творчестве, в его мыслительных опорах, это то, что называется им “свалка”. Это такой “термин”, который фигурирует у него от работы к работе, он начинает с провокативного тезиса, что “философия должна быть от-

правлена на свалку, где ей самое место”, который очень не любят профессиональные философы, потому что их на рабочих местах заставляют всячески показывать (и они к этому привыкли даже так, что начинают *бездумно* в это верить) свою *полезность*. “Для чего вы нужны, для чего вы нужны? Придумывайте”, и Бибихин как бы этим провокативным тезисом желает продемонстрировать, что *здесь* философия невозможна, если мы будем исходить из этого, мы будем заниматься чем-то другим. То есть, вроде бы, с одной стороны, и призыв на свалку, и с другой стороны, постоянный мотив, он связан с де-конструкцией и с деструкцией, это то, что у нас и так всего всегда уже очень много, *у нас всегда уже есть всё*, и поэтому нужно не нагромождать ещё одну конструкцию вместо другой, а нужно понять, *где* мы находимся (“наше положение”?) и *что* навалено. То, с чем мы имеем дело и то, что нам не нравится, от чего мы хотим убежать в конструкцию, *не случайно здесь. Не случайно то, что мы хотим отрицать*. Об этом следует помнить, это требует задействовать опыт некоторого внимания.

(Да, кстати, по поводу этой свалки конкретной, она *настоящая*, Бибихин строил дом в Подмосковье, и он ездил мимо Внуково, где недавно разбился самолёт, там напротив – огромная свалка, несколько десятков метров высотой, она сейчас заморожена, ещё с ней никто ничего не сделал. То есть он видел её каждый раз, проезжая, видимо отсюда концепт “свалки” появился, то есть в те годы, когда он строил дом, она не была заморожена, она действовала, “благоухала” на несколько километров вокруг).

4. *Философию и религию объединяет смирение, аскеза, дисциплина, догматика*. Причём смотрите: этот перечень неслучаен, это перечень истории отношения мысли, что в философии, что в религии, к непостижимому. Сначала ты непосредственно имеешь дело, если так просто говорить, с тем, что больше тебя. Например, он говорит: “Нам ничего не известно о том, как Платон относился к богам”, но мы из этого делаем вывод, что “никак”, раз нам неизвестно, или касаемся там каких-то упоминаний и на этом основании

строим суждения. Но ведь как раз перед тем, что непостижимо, о чём собственно говорил Витгенштейн в самом конце своего “Логико-философского трактата”¹², может быть, Платон не говорит о богах потому, что для него они присутствуют *очевидно*, и тогда его тексты (и вообще тексты античные) становятся чем-то *другим*, они являются результатом работы мысли *в присутствии смирения* – вот такой он нам предлагает *поворот*. Затем *аскеза*: человек должен научиться, он *упражняется* в этом смирении, затем *дисциплина*, естественно, что *disciplina* это латинское почти военное слово первоначально, затем *догматика*, то есть, когда мы уже не видим непостижимого, совсем не видим, но у нас вырабатывается через традицию некий *успешный*, изначально отработанный перед лицом непостижимого способ обращения с непостижимым. Поэтому лучше сразу его придерживаться, и если мы его придерживаемся, то тем самым даже помимо своей воли (все помнят “пари Паскаля”) живём в присутствии этого непостижимого, уже не внимая ему. Так развиваются что философия, что религия. Здесь же можно сказать, что этот путь *неслучаен*, что нельзя сейчас сказать: “Вот, мы заостенели в догматике, давайте вернёмся к первоначальному присутствию непостижимого”, потому что опять же нам нужно быть очень внимательными к тому, *почему* мы заостенели в догматике, это неслучайно, это не придумано предыдущим поколением, это выработано в длительном опыте. Здесь на эту тему можно привести такую цитату: “Строгая наука о бытии, всегда знающее незнание, *docta ignorantia*”¹³. Почему мир стал холодным¹⁴, почему от смирения в непосредственном присутствии божественного (не сакрального, а божественного, это очень важно) мы пришли к холодному воспроизводству догматического? И он говорит, что мы шли от открытия мысли к настроению собирания, *сбережения*. То есть на самом деле, вы помните, что догматичность осуждалась, допустим, философами Нового времени, уже Декарт начинал возмущаться против

---

¹² “7. О чем нельзя говорить, о том должно умолкнуть”. См.: Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. В. Руднева. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2005. С. 222.

¹³ *Бибихин В.В.* Материалы к исихастским спорам // *Бибихин В.В.* Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. С.355.

¹⁴ *Бибихин, В.В.* Язык философии. С. 271.

догматов, против так называемых авторитетов, он говорил, что надо делать всё самим, своим собственным разумом. Так вот, Бибихин здесь задаёт вопрос, который глубже чем возражение декартовское, по поводу библейских авторитетов, он как бы говорит: “А может быть, безусловно догматы тормозят, догматы мешают, но может быть они являются тем, что характеризуется как сбережение открытого, сбережение дара?”. Мне здесь такая вольная метафора приходит на ум, это как милые вещицы, которые мы храним с вами и не выкидываем, которые были получены нами в какие-то важные моменты или от важных людей, и когда приходят другие люди в нашу жизнь, то у них эти вещицы, с которыми мы носимся, вызывают недоумение, и они говорят, что они нам мешают (хорошо бы, если это какая-то маленькая статуэтка, а если это большая плюшевая игрушка, которая занимает полкомнаты, например?) Опыт хранения. Дело не в игрушке: если смотреть на эту игрушку или статуэтку, в них самих ничего нет (но это потому, что мы невидим их “самого” полностью, только поэтому); вот Декарт как бы так смотрит и там ничего нет, но то, что позволяет этой игрушке здесь присутствовать, нельзя непосредственно увидеть, но оно собственно и определяет ныне существование того, кто в этой комнате живёт. И это вот очень важно, это такой срез, на который Бибихин указывает. Он говорит, что время изменилось, языческая и библейская мысль от свободы перешла к хранительной догматике. “Наступила сакральная эпоха. Кончился праздник, начался пост. На передний план были выставлены вещи, перед которыми мысль обязана без обсуждения склониться”¹⁵. Если продолжать нашу метафору, то это будет значить, что новый обитель квартиры, где есть милые вещицы, связанные с прежними обитателями, просто должен смириться с тем, что они здесь будут, и ничего с этим сделать нельзя (*принять* и *освоить*), или хотя бы дождаться того момента, когда их можно будет выбросить (*изжить*). Он говорит: “Возвращение к букве писания и предания становится всё важнее по мере утраты слуха

к ним”¹⁶. Причём здесь нет осуждения, вот это ещё одна такая проблема чтения текстов Бибихина, у студентов очень часто с этим сталкиваешься: то есть под “утрачивается слух” думают “происходит что-то плохое”. Не плохое. Это вообще не оценочное суждение. Это *просто так есть*. Может быть, мы хотели бы иначе, может быть, мы хотели бы и так. Какая разница, что мы бы хотели, вот фиксируется таким образом. Чем меньше мы слышим, тем больше мы возвращаемся к букве, и предание становится для нас всё важнее¹⁷. Для нас хуже, например, а для предания лучше, поэтому неизвестно ещё кто выигрывает во всём этом историческом процессе.

5. *Общим для философии и религии является настроение, а не содержание.* “Благочестие, невидимое в платоновской всевмещающей праздничной полноте” – обратите внимание, это то же, что и смирение: мы часто разделяем эти вещи, у Бибихина это одно и то же, то есть настоящий праздник он всегда перед тем, перед чем смиряешься, смирение не подавление, не травма – “ясно видимое в неоплатонической постной сосредоточенности, сливается с религиозной верой, если говорить о настроении, а не о содержании вероучения и не о ритуальной практике”¹⁸. И здесь вот что интересно: первоначальный опыт праздничной полноты, которая со стороны философии выглядел смирением, ну каким смирением? – можно пояснить так: Платон пишет потрясающие свободные тексты, открыто мыслит, это опыт смирения – обратите внимание – опыт смирения перед тем, о чём он не говорит. Присутствие в виду непостижимого одаряет его этой праздничностью. Так же, как любая мистерия греческая происходит в непосредственном присутствии богов, то есть они уже здесь, не где-то там на Олимпе, а именно здесь. Когда этот опыт утрачивается, в религиозной вере происходит распад на ритуаль-

---

¹⁶ Бибихин В.В. Энергия. С. 351.

¹⁷ Ср.: “Признав авторитет своего священного писания, философия становится преданием, т. е. традицией, хранением и сбережением авторов. Не переставая быть свободной, она отдает свою независимость тому, перед кем не зазорно склониться. Именно тем, что предание не хочет быть ничем другим, кроме верного следования писанию, предание становится чем угодно” (Бибихин, В.В. Язык философии. С.310).

¹⁸ Бибихин, В.В. Язык философии. С. 272.

ную практику и содержание вероучения. То есть, мы прекрасно знаем, что эти два способа сосуществования, например, присутствуют в любом сейчас христианском ответвлении, так скажем. Если для католической мысли свойственно больше содержание вероучения, собственно это и есть теология, наука о Боге, и тем не менее никто не отказывается от ритуалов, то, скажем, в восточной церкви внимание акцентируется на ритуальной практике, в то время как содержание оставляет в достаточном пренебрежении (может быть специальным пренебрежении, о чём Бибихин будет говорить в одной из статей из сборника “Другое начало”). Заканчивается этот текст вот такой цитатой: “Философия смотрит в ту же сторону что и вера. Философия не именуется собственным именем то, что ее захватило. Вера дерзает и именуется, полагаясь на свою способность слышать голос Бога. Она именуется то самое, в почитании чего смирилась и не дерзнула произнести имя собственное философия”¹⁹. Очень важно, ещё раз я это подчеркну, что философия стала собой, то есть кажется, что у неё своё дело с самого начала, своё содержание, *она становится собой не именуя*, то есть она активно не именуется то, с чем имеет дело вера и что она именуется. И специфика истории философии для Бибихина разворачивается вот здесь и должна быть рассмотрена именно вот в этой связи. “Дело обстоит вовсе не так, что философия преодолена или тем более отброшена, словно ее можно отбросить. Благодаря философии вера не забудет, что именуется неизменное. Она должна поэтому уметь всегда вернуться к философии. Только вера знает, философия не знает, почему вера начинает, словно в безумии, говорить Богу Ты и называть его по имени. Худшее, что может сделать вера, – это, произведя погром в философии, взять от нее мертвые схемы”²⁰.

На этом заканчивается текст Бибихина, внимание к которому составило основную часть моего доклада, и теперь, в завершение, следует сказать не-

---

¹⁹ Там же, С. 282.

²⁰ Там же.

сколько слов про энергию. Намерение с самого начала говорить о теме энергии, сразу, натолкнулось на несколько препятствий. Теме энергии посвящена в творчестве Бибихина очень важная книга (на основе читавшегося в 1990-91 гг. лекционного курса)²¹, мне кажется, одна из четырёх ключевых книг Бибихина, я бы сюда отнёс ещё “Собственность”, “Мир” и “Пору (Время-бытие)”, которая выйдет (по предварительным данным) в июне 2015-го года в издательстве “Наука”.

К теме энергии подход может быть с двух сторон: со стороны, собственно, церковной, скажем так, или религиозной, он осуществляется у Бибихина в разных статьях и в “замечаниях похода”, сделанных в упомянутом специальном курсе, например через тему экуменизма, через тему русской философии, через тему спора о Филиокве и ряд других тем. Именно по этому направлению, как мне кажется, Владимир Вениаминович спорит с Сергеем Сергеевичем Хоружиим.

И может быть, собственно, философский подход к этой теме, который для Бибихина предпочтительнее, и, естественно, что здесь он находится на территории, для него очень близкой, поскольку, занимаясь очень долго Хайдеггером, а Хайдеггер является таким двойственным аристотеликом, в двух смыслах, когда он говорит про Аристотеля и следует ему непосредственно, и потом поздний Хайдеггер всё меньше и меньше говорит про Аристотеля, и всё больше становится аристотеликом²². Так же, как ницшеанец не будет заниматься Ницше, он будет заниматься чем-то другим *как* ницшеанец, вот это очень важно. Бибихин, например, в курсе “Лес” перечитывает Аристотеля и в чём-то даже критикует Хайдеггера, говорит что “вот здесь недосмотрел, здесь недосмотрел”, то есть идёт спор за аристотелизм – это отдельная тема.

---

²¹ Бибихин В. В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488с.

²² См. на эту тему наш доклад: Богатов М.А. Два Аристотеля в пределах мысли Хайдеггера // Рабочие материалы конференции “Мартин Хайдеггер и философская традиция: повторение vs. демонтаж. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 2012. С.44-52.

У Аристотеля, хотя это сказано в девятой книге “Метафизики”, многие даже не догадываются, насколько радикально эта тема повернута, учение о возможном и действительном: мы всегда привыкли считать, что сначала дано возможное, потом действительное (сейчас рекламируется в рыночных отношениях там: “получите возможность”, “у вас появится возможность”), будто *возможность это и есть сама действительность*, как будто из неё будет непосредственно следовать. Так вот, Аристотель говорит, что действительность предшествует возможности²³, что *не бывает никакой возможности, если нет того, возможностью чего она является*. И он аргументирует это по некоторым пунктам (которые здесь не время вспоминать), но, тем не менее, надо запомнить, что действительность предшествует возможности.

Для нас это странно, потому что уже у Канта в категориях вы помните: “возможное”, “действительное”, “необходимое”. Курс “Энергия”, в котором в первой редакции лекции 2002 г. (вообще это курс 1990 г.), Бибихин его читал ещё раз в 2002, даётся такой ход мысли: вот смотрите, там нефть, допустим, энергия, все хотят нефть. Зачем? Это цель или средство? Вроде бы средство – энергия для чего-то, но если мы так посмотрим, потом оказывается, что мы всё это делаем для того чтобы продолжать делать. Значит это цель. Понимание энергии у Бибихина выливается в следующий тезис (когда он касается критики современности): энергия – это величина, в которой различие средства и цели отпадает. Вот представьте себе на секунду, что мы будем относиться к социальной действительности, к происходящим культурным процессам, *безразлично* к этой категориальной паре: цель и средство. Тогда всё поворачивается совсем иначе: сначала нам будет очень много чего не хватать, и потом резко всё поворачивается иначе. И вот он говорит: и что же нам делать, мы начали курс «Энергия», что нам теперь, идти к нефтяным добыткам и говорить, что мы сейчас выступим философскими экспертами по до-

---

²³ “Так как выяснено, во скольких значениях говорится о том, что первее, или предшествует, то очевидно, что действительность, или деятельность, первее возможности, или способности”. См.: Аристотель. Метафизика / Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т.1. Пер. с др.греч. А.В. Кубицкого. М.: Мысль, 1976. С. 244.

быче энергии? Конечно, нет, мы в этом деле им не поможем²⁴, но может быть, занимаясь сейчас этим курсом, не различая цель, средство, как привыкли энергодобытчики делать, мы послужим другому делу. И вот это последнее указание, которое я делаю, собственно, это другое дело, этот *мир, в котором цель и средство не различаются*, столь непривычный для нас, вдруг оказывается, говоря метафорически, миром, в котором современниками нашими сразу становятся и Аристотель, и Платон, и Палама, и Августин, и Лосев, и Хайдеггер, и Хоружий. И собственно здесь, в этом мире, чёткого различия на тему “Философия – это” или “Религия – это”, вот этой рубрикации уже невозможно установить, и поэтому, если бы я не пошёл тем путём, каким пошёл в своём докладе, то следовало бы обрисовывать черты этого *удивляющего* мира, который открывается нам в тот самый момент, когда Бибихин берется за тему энергии.

---

²⁴ Ср.: “Вызвавшись советовать об энергии, мы, хотим или не хотим, покажемся людьми, которые претендуют – доказать обратное будет трудно – на участие в дележе выгод от энергетических потоков. Нам придётся настаивать, по всей видимости безуспешно, на своей незаинтересованности. Вряд ли поверят, что кто-то не хочет участвовать в глобальном энергетическом консорциуме, не думает о частице богатств для себя. Что такое чисто философская захваченность, существует ли она?” (Бибихин В.В. Энергия. С.389).